

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 101.1::316+1:2

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПТИЦЫ-ДЕМИУРГА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ: НЕКОТОРЫЕ АНТРОПОКОСМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹²

Б. А. Дорошин

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

THE ARCHETYPICAL IMAGE OF THE BIRD-DEMIURGE IN MYTHOLOGICAL CONCEPTS OF FINNO-UGRS OF VOLGA REGION: THE SOME ANTHROPOCOSMIC ASPECTS

B. A. Doroshin

Penza State Technological Academy, Penza, Russia

Summary. Ornithomorphic mythological characters, connected with process of cosmogony and an archetype of Great Mother in mythological concepts of people of the Volga region are considered in this article. In semantic structure of their images the aspects locating concepts of these people about harmonious unity of the person and the nature come to light.

Keywords: archetypes, mythology, Volga region, bird-demiurge.

Во многих религиозно-мифологических системах имеется космогонический миф, центральным персонажем которого выступает божественная птица-демиург. Данный миф распространён, в частности, у финно-угорских народов, в т. ч. у тех из них, что проживают в Поволжье.

Сюжет о первотворении в форме несения яиц уткой сохранился, в частности, в мифологии марийцев. Согласно ему, утка прилетела на поверхность мирового океана и снесла два яйца. Из них в облике селезней вылупились два брата – Юмо и Ын, которые стали попеременно нырять на дно и доставали оттуда ил, создав, таким образом, землю. [8, с. 260–262].

Сходный сюжет сохранился и в мордовском фольклоре. Великая птица Ине Нармонь снесла яйцо, из желтка которого возникла земля, а из скорлупы – подземная и небесная твердь. Один из мифов повествует о том, что птица высидела три яйца на Мировом древе – березе или дубе – посреди земли. Из одного яйца вылупился жаворонок – птица, символизирующая начало весенних полевых работ, покровитель земледелия; из другого – соловей, символизирующий дом и домашнее хозяйство; из третьего – лесная птица кукушка [8, с. 292–293]. Согласно другому мифу, из трёх яиц, высиженных гигантской птицей на Мировом древе – берёзе с тремя ветвями и тремя корнями, вывелись три духа-матери (ава). Первая – Норов-ава, хозяйка полей, охраняющая посевы (в том числе и от хозяйки ветров Варма-авы). Вторая – Вирь-ава, хозяйка леса, пастушка медведей, волков и других диких животных, страшный демон. Третья – мать ветров

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного исследовательского проекта РГНФ 09-03-28-303 а/в «Архетипы в мифологических представлениях народов Поволжья»

Варма-ава: она может принести тучи с плодородным дождем, но может и повалить созревший хлеб и даже раздуть пожар вместе с хозяйкой огня Тол-авой. У нее четыре сына, которые сидят в бочках по четырем сторонам света; когда Варма-ава открывает бочку, оттуда вырывается ветер. Варма-ава считалась также разносчицей болезней – поветрий [8, с. 315].

Птичьи черты имеются и у богини плодородия Анге-патяй. Согласно мифу, она возникла из яйца, нечаянно раздавленного Чи-пазом по завершении его сна на мировом древе после творения Вселенной [8, с. 293]. Иногда эта богиня представляла в образе большой птицы с золотым хвостом и клювом, из которого просыпались на землю семена, или в образе голубки, бросавшей цветы пчелам, чтобы те собирали мед, и хлебные крошки курам – ее любимым птицам [8, с. 302].

У эрзи сохранилось почитание утки как чудесной птицы, посланницы высшего бога – Вере-паза (или птицы хозяйки леса Вирь-авы). Охотник, вопреки мольбам чудесной утки убивший её, с ужасом видит, что от ее голоса загудело небо, лощины наполнились ее кровью, перьями покрылась вся земля. Придя домой, алчный охотник нашёл всех своих домашних мертвыми [8, с. 296].

Священной птицей – любимцем и посланником бога Нишке – у мордвы почитался и лебедь. Возможно, он представлялся в качестве посредника между земным и небесным мирами. Это позволяет предполагать сюжет эрзянской песни, где поётся о том, как лебедь видит жизнь богача, который не молится Нишке, и жизнь бедняка, поднимается к богу и рассказывает о том, что на земле нет правды, потому что праведник живет бедно [8, с. 300–301].

В традиционной культуре удмуртов зафиксирован свидетельствующий о почитании лебедей обряд Юсь-вось. Двух лебедей откармливали и приручали, а летом при них совершалось торжественное жертвоприношение в культовой роще керемети. Жертвами были кони, овцы, гуси и т. п. По окончании жертвоприношения лебедям привязывали по серебряной монете на шею, кланялись им и на паре лошадей отвозили к реке Вятке. Следили за тем, как поплывут лебеди: если вверх по течению, на юг, – значит, они доставят просьбы молящихся Инмар; если вниз, на север, – их мольбы пропадут в преисподней. Лебеди считались воплощениями божеств, и удмурты специально предупреждали живущих по берегам Вятки соседей, чтобы они не стреляли в священных лебедей [8, с. 231].

Важной чертой птицы-демиурга является её принадлежность к женскому полу, выполнение ею демиургической функции как материнской, в форме несения яйца или яиц. Согласно Н. А. Николаевой и В. А. Сафронову, мифы урало-алтайских народов о птице-демиурге имеют общее исходное ядро с таковыми же индоевропейскими. В нём присутствуют общие для них элементы. Это океан, воздушное пространство и соткавшаяся из воздуха богиня, сочетающая черты птицы и девы (вероятно, её птичий образ первичен, но для объяснения рождения первого человека птица обращалась в деву) [7, с. 82]. Эти особенности свидетельствуют о том, что в своей основе образ птицы-демиурга неразрывно связан с образом богини-матери, и может рассматриваться как мифологическая репрезентация архетипа Великой Матери [9, с. 32].

Зооантропоморфность образа птицы-демиурга выявляется не только в его первооснове, но и в ряде мифологических образов, от него производных или с ним связанных. Немаловажен параллелизм мордовских мифов (или вариаций одного мифа) о порождении птиц-демиургом в одном случае – трёх птиц, символизирующих разные сферы жизни; в другом

– трёх духов-матерей различных сфер. Одна из этих духов-матерей – Вирь-ава – представлялась как имеющая по три когтя на каждой ноге, что напоминает о птичьих лапах. Примечательно и происхождение из яйца на мировом древе богини плодородия Анге-патяй, и её способность представлять в образе птицы.

Особое значение имеет почитание мордвой и удмуртами лебедей, считавшихся посланниками и воплощениями божеств. Мотивы такого почитания обнаруживают ряд параллелей в других мифологических традициях. В частности, почитание удмуртами пары божественных лебедей может быть соотнесено с широко распространённым сюжетом о браке человека с девой, претерпевающей метаморфозу из лебедя, а впоследствии – вновь в лебедя. В относящемся к этому сюжету греческом мифе в образе лебедя действует мужское божество – Зевс, результатом чего становится рождение от него Ледой (или Немесидой) ребёнка, вылупившегося из яйца. Этот миф считается трансформацией космогонической мифологемы о мировом яйце [12, с. 40]. Из последнего в индуистском космогоническом мифе рождается верховный бог Брахма, атрибутом и средством передвижения которого был лебедь [11, с. 185–186]. Именно в религиозно-мифологических традициях Индии и Ирана единство представлений о священном лебеде, человеке и боге, а также наличие в образе священного лебедя человеческих и божественных черт проявляется особенно ярко. В санскрите словом «hansa» именовались гусь, лебедь и душа, познавшая высшую истину, высший дух. В «Ригведе» и «Авесте» данная птица ассоциируется с творческим началом Вселенной, со светом, разумом и богом-творцом [3, с. 45]. Это полностью согласуется с удмуртским мифопоэтическим восприятием лебедя как символа божественной верховной сущности, связанного с описанным выше ритуалом Юсь-вось, фольклорно-мифологическим образом человека-лебедя, и общими для финно-угров представлениями о сотворении мира водоплавающей птицей и Млечном Пути как пути диких лебедей [5, с. 109–110]. Весьма вероятна и генетическая связь образов лебедя в финно-угорской (в частности, мордовской и удмуртской), индийской и иранской мифологиях, т. к. между их носителями в древности существовали довольно тесные контакты [1, с. 98–103].

Согласно одной из точек зрения, образ водоплавающей птицы отражает представление об изначальности водной стихии, олицетворяемой в авестийском пантеоне богиней, маркируемой тройным эпитетом Ардви Сура Анахита. Спутником ведийской богини главной реки – Сарасвати – был гусь-лебедь, олицетворявший собой всеохватывающее небо. Имеется свидетельство о том, что в хорезмийской концепции происхождения Вселенной «изначальное божество, заключающее в себе части мироздания, представлялось в образе водоплавающей птицы» [3, с. 45–46].

Мотив божественного первосущества как основы мироздания находит параллели в образах золотого зародыша и вселенной как единого божества. Поскольку в подобных сюжетах и мотивах основой мироздания зачастую выступают антропоморфные или зоантропоморфные (как в случае с птицей-демиургом) божества, их можно рассматривать в контексте антропокосмизма.

Данная концепция, развивающая комплекс представлений о гармоническом единстве человека и вселенной, об их своеобразной взаимозависимости и взаимопроникновении, а также о средствах достижения такого состояния, имеет своей исходной основой присущую еще первобытному мышлению идея «кровного родства» человека и мира, их взаимосвязи и возможности символического представления одного через другое. Пред-

ставляется, что эта идея нашла весьма яркое отражение в рассматриваемом здесь архетипическом образе птицы-демиурга через:

1) синкретизацию в нём репрезентирующих природную, «материнскую» среду атрибутов птицы с атрибутами человека;

2) сочетание в семантике образа птицы символизма духовной сущности микрокосма (души человека) и духовной сущности макрокосма (бога), через которую микрокосм-человек связан с макрокосмом-универсумом;

3) почитание этого образа в качестве тотема, производное от него именование удмуртами родового духа-покровителя – воршуда, и самого этого рода, словом Юс – «лебедь» [8, с. 241–242].

Последнее особенно важно с точки зрения антропокосмизма как идейного комплекса, представляющего в единстве природную (космическую) и человеческую (социально-гуманитарную) стороны объективной реальности [10, с. 560]. В духе антропокосмизма – «...как мировоззренчески осмысленное признание человеком его неразрывной связи со всем окружающим Миром» – характеризовал тотемизм М. Ф. Косарев. Он указал, что «идея органического единства всего Сущего» не только привела наших предков к «очеловечиванию» природы, но и легла в основу экологической культуры первобытных обществ, повысив тем самым их адаптивные возможности, и позволив человечеству выжить в условиях неоднократных природных катаклизмов и исторических потрясений [6, с. 33].

Представляется, что некоторые антропологические, социальные и экологические аспекты семантики архетипического образа птицы-демиурга могут быть переосмыслены и актуализированы в социокультурной практике современности в целях противодействия тенденциям атомизации, разобщения индивидов, социальных и этнических общностей, отчуждения общества от природы и его разрушительного воздействия на окружающую среду. Особенно значимыми их переосмысление и актуализация могут быть в Поволжье. Рассмотренные здесь мифологические представления некоторых из проживающих в данном регионе народов (в частности, мордвы и удмуртов) содержат ряд очень ёмких по своему содержанию образов, сюжетов и мотивов, относящихся к птице-демиургу. Последние обнаруживают ряд значимых параллелей в мифологических представлениях народов, внесших большой вклад в развитие человеческой цивилизации ещё в древности – индийцев, иранцев и греков; а также народов, оказавших значительное влияние на всемирно-исторический процесс впоследствии, некоторые из которых являются непосредственными соседями и этнокультурными симбиотами финно-угров в Поволжье, – славян и тюрков [12, с. 41]. Рассмотрение этих параллелей может быть осуществлено в рамках отдельных исследований.

Библиографический список

1. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – М.: «Мысль», 1983. – 206 с.
2. Ен // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 434.
3. Жарникова С. В. Золотая нить. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2003. – 221 с.

4. Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 346–349.
5. Кириллова Р. М. Мифопоэтика в поэзии Михаила Петрова. – На правах рукописи: Ижевск, 2006. – 182 с.
6. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам – М.: Ладога-100, 2003. – 352 с.
7. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – М.: Белый волк, 1999. – 312 с.
8. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 463 с.
9. Самохвалов В. П. Психоаналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. – Симферополь: СОНАТ, 1999. – с. 184.
10. Спиркин А. Г. Философия: Учебник. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.
11. Топоров В. Н. Брахма // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 185–186.
12. Топоров В. Н. Лебедь // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 40–41.

Bibliography

1. Bongard-Levin G. M, Grantovskiy E. A. From Scythia up to India. Ancient Aryans: myths and history. – Moscow: Mysl, 1983. – 206 p.
2. En // Myths of nations of the world. The encyclopedia. In 2 vol. / The chief editor S. A. Tokarev. – Moscow: The Soviet encyclopedia, 1991. – Vol. 1. – p. 434.
3. Zharnikova C. V. The Gold string. – Vologda: Regional centre of science-methodical of culture and improvement of professional skill, 2003. – 221 p.
4. Ivanov V. V., Toporov V. N. Ptitsy // Myths of nations of the world. The encyclopedia. In 2 vol. / The chief editor S. A. Tokarev. – Moscow: The Soviet encyclopedia, 1992. – Vol. 2. – p. 346–349.
5. Kirillov M. Myfopoetics in Michael Petrov's poetry. – As a manuscript: Izhevsk, 2006. – 182 p.
6. Kosarev F. Bases of pagan outlook: On the Siberian archeologic and ethnographic materials – Moscow: Ladoga-100, 2003. – 352 p.
7. Nikolaeva N. A., Safronov V. A. Sources of Slavic and Euroasian mythology. – Moscow: the White wolf, 1999. – 312 p.
8. Petruhin V. Ya. Myths of Finno-Ugrs. Moscow, Astrel: AST: Transitkniga, 2005. – 463 p.
9. Samohvalov V.P. The psychoanalytic dictionary and work on symbols of dreams and imaginations. – Simferopol: SONAT, 1999. – p. 184.
10. Spirkin A. G. Philosophy: Textbook. – 2 ed. – M.: Gardariki, 2006. – 736 p.
11. Toporov V. N. Brahma // Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. In 2 vol. / The chief editor S. A. Tokarev. – Moscow: The Soviet encyclopedia, 1991. – Vol. 1. – P. 185–186.
12. Toporov V. N. Swan // Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. In 2 vol. / The chief editor S. A. Tokarev. – Moscow: The Soviet encyclopedia, 1992. – Vol. 2. – P. 40–41.